

Черный передел

Мск. новости - 1998 - 12 июля - с. 21

В начале девяностых, когда возвращались к читателям доселе неизвестные произведения отечественной литературы, воскресло имя русского писателя Михаила Пришвина и творение всей его жизни — его дневники. В 1991 году издательство «Московский рабочий» выпустило в свет первый том пришевских дневников, но выпуск всего собрания растянулся на многие годы. К сегодняшнему времени (в этом году исполняется 125 лет со дня рождения писателя) изданы только четыре тома.

«Дневник» Пришвина — произведение мало с чем сравнимое, вобравшее в себя сам воздух русской жизни и одновременно всю ее трагическую сложность. Есть в нем что-то монашеское, как в послушании, есть молитвенность. Россия как личность, природа как личность, художник как личность — вот три основы этого метафизического, но и каждодневного повествования. Распад мира внешнего, прошедший будто и через душу писателя, породил этот порыв к обретению целостного мира внутреннего.

Обращаясь к пришевской философии и его уже вечной теме самочеловека, можно блуждать в кольцах «Дневника» и не находить выхода, потому что попадаешь в целый космос. Но «Дневник» содержит и просто исторические сюжеты, нам давно известные, однако при прочтении которых испытываешь такое чувство, словно совершаешь археологическое нахождение: факт пришевского «Дневника» перелицовывает многие факты истории.

Есть всем известный миф о революции — что Россия погибла от рук большевиков, причисляющий к лику святых уничтоженное на корню крестьянство, плоть русского народа. Но вот «Дневник» Пришвина 1917 года неожиданно для понимания рассказывает, как погибла Россия в одиноч-

анархией, по-видимому, совершенно противоположно истинному значению этого слова: анархист ненавидит не только внешнюю власть, городского, но и самый источник ее, право распоряжаться личностью другого, насилие. Между тем в этой анархии, которая теперь у нас водворилась, характерна претензия каждого на роль городского.

Тогда, в семнадцатом году, в «Дневнике» Пришвина вдруг возникает осмысленное им пока что из жизни понятие «враг народа» или в другом варианте — «внутренний немец». Это понятие объясняет ему существо происходящего великого передела: «По городам и селам успех имеет только проповедь захвата внутри страны и вместе с тем отказ от захвата чужих земель. Первое дает народу землю, второе дает мир и возвращение работников. Все это очень понятно: в начале войны народ представлял себе врага-немец вне государства. После ряда поражений он почувствовал, что враг народа внутренний немец. И первый из них, царь, был свергнут. За царем свергли старых правителей, а теперь свергают собственников земли». Он сам попадает со своим хуторком в этот молох: «Сон о хуторе на колесах: уехал бы с деревнями, рощами и травами, где нет мужиков».

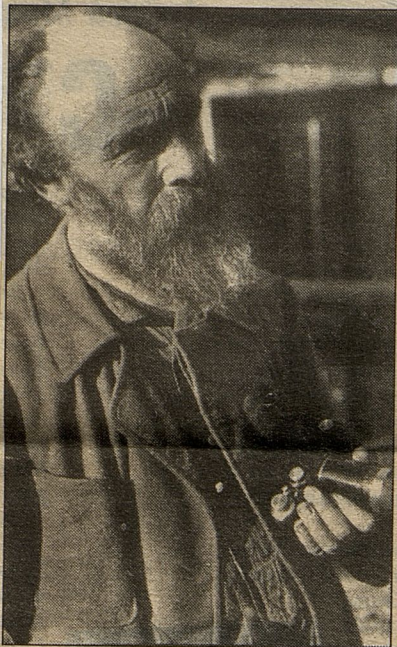
Захват и раздел помещичьих земель по всей России грозил бедой, которую мало кто осознавал, рассматривая вопрос о земле только как политический. «Главное, я глубоко убежден, что все эти земледельцы наши, пахущие в год по десятине земли, понятия не имеют о настоящем земледельческом труде. И жажда их земли есть жажда воли и выхода из тараханьего положения. Наши красные министры понятия не имеют, как мало пахнет тут социализмом...» Пришвин замечает, что землю в России нельзя стихийно поделить — деревня пойдет войной на деревню, потому что нет меж ними осознанных границ. Зато испокон веков — вспомнить Троекурова с Дубровским — была сильна вражда за спорные пограничные луга, рощи. Границы земельных наделов, то есть границы помещичьих владений, рухнули, и, уже воспринимая помещичьи земли как «общественные», мужики вот-вот готовы встать на ножи. Но раскололо не только земство, раскололо и сама эта ошестившаяся в круговой обороне крестьянская община: нужда в земле осмыслена в ней только для «одношадных», кому есть чем пахать, а «безлошадные» должны поневоле сдавать в аренду или про-

Разрушение колоколов в Троице-Сергиевой лавре.	давать свои обретенные надежды, снова оказыва-
Фото Михаила Пришвина	ясь в том же беспросветном «тараханьем положении». Отношение еще более враждебное и завистливое к городам, «под которыми земли много». Землю делят — происходит как бы тектонический разлом России. По трещинам этого разлома уже ясны очертания неминуемой гражданской войны. В конце концов

даться за землю будут Россия крестьянская и Россия рабочая. Захват же и передел земли, уже произошедший, узаконивают своим первым же декретом большевики, получая за это от России крестьянской мандат на власть. Это крестьянство было той молчаливой гигантской силой, волю которой почуяли да исполнили по-смердяковски большевики, чей декрет о «мире и земле» был хладнокровным убийством России, пулей, пущенной ей даже не в лоб, а в затылок (Брестский мир). Сделать этого не смела ни одна другая партия, то есть политических исполнителей, готовых пойти на это убийство, кроме них не нашлось.

Пришвин замечает в «Дневнике»: «Когда помещик во время ли сенокоса или уборки хлеба своими рабочими не справится и нужно поклониться мужикам, и они на короткое время становятся господами, а помещик как бы теряет власть свою». Так вот, мужики, что стали на короткое время диктатуры господами, — решает Пришвин еще в семнадцатом, — как разрушат старое государство и накажут старых господ, так неминуемо будут уничтожены сами: большевики лишат Россию закона и власти, чтобы после того, как страна разломится на миллионы осколков-островков, пойти на эти земли войной, захватывая область за областью руками обреченных только на голодную смерть рабочих, солдатских деморализованных масс, городских полунинтеллигентов, инородцев, что станут носителями нового Порядка, Закона, Государства — новой Советской России. Чтобы взнуздать мужика, надо лишить его захваченной земли, то есть возвратить землю в оборот действительно общественный, соединяя безжалостно удельные островки, мужицкие эти «новгородские» республики в государство...

«По ту сторону черты моих человеческих наблюдений...» — в «Дневнике» 1917 года рождается этот экзистенциальный оборотный взгляд на действительность, что усиливает в картинах чувство абсурдности происходящего. Читая «Дневник» Пришвина после того, как замыкается череда всех этих сбывшихся предсказаний, невольно чувствуешь, что он увидел Россию будто б насквозь и что этот взгляд пронзает ее на все времена, и чувство абсурдности происходящего оказывается не чем иным, как некой сверхъестественной всеисторической реальностью.

Михаил Пришвин. 1932 год

Поверженный колокол

матушки, — дом, сад и тридцать две десятины земли. Он решает посвятить себя земле и творчеству — свободному, новому. Однако по прошествии нескольких месяцев Пришвин отправляет уже сообщение за сообщением в Петербург. Сообщения эти вчерне становятся на многие месяцы вперед содержанием «Дневника». Они очень схожи с теми записями в «Дневнике», что делал он как репортер на передовой германского фронта. Снова это бесстрастный отчет увиденного, узанного — с гражданской верой, что там, где есть власть, еще могут изменить ход событий; а главный призыв — остановить стихийный захват и раздел земли.

Но скоро он понимает, что происходящее — необратимо. Революцию пожрала скрытая в мужике страсть к насилию, к бунту. Революция, то есть энергия единения народных масс, не находит себе ни применения, ни воплощения, ни формы, кроме карательной: «То, что называется теперь

12.7.98

Пришвин Михаил